

Проект «Вдохновение» — это попытка приблизиться к частной, душевной жизни успешных и хорошо известных в городе людей. Если и не найти «философский камень вдохновения», то хотя бы открыть гуманитарную составляющую их личности. Потому что ЛИЧНОСТЬ без главной идеи, харизмы, одержимости, ВДОХНОВЕНИЯ — представить себе нельзя.

Ольга Выгузова:

*"Начинаешь дело на вдохновении,
но, чтобы закончить его, — нужна воля"*

Обычно, прежде чем начать разговор о вдохновении, мы слегка приседаем в извинительном книксене. Дескать, ничего, что мы тут на такую тему замахнулись? Но сегодня обойдемся без книксенов. Точно знаем — разговор о вдохновении у нас «адресный». С кем об этом и говорить, как не с музыкантом. Ольга Выгузова, художественный руководитель знаменитого пермского хора «Млада», которым город гордится, любит, слушает. Мы встретились и поговорили после двух концертных вечеров новой программы авторской песни «Секрет», на которых побывали две тысячи зрителей!

— Чтобы собирать такие залы, работать надо — как? Мастерски, планомерно, тяжело? Если мы попытаемся найти другие слова, способные объяснить то, что происходило на сцене...

— Я даже синонимов слову «вдохновение» не смогу подобрать. Вдох, дыхание — основа самой жизни, основа пения. А если уж мы говорим о личности творца, то вдохновение — тот самый воздух, без которого жизнь его невозможна. Это, с одной стороны, очень тонкая субстанция, почти прозрачная. И в то же время — ярчайшее усилие воли. Духовная сила аккумулируется, не расточается, чтобы потом вырваться наружу, как вулкан. Жизнь может разорвать тебя в клочья «по горизонтали», если ты будешь суетиться, мельчить, не видеть главного. Чтобы начать любое дело, необходимо вдохновение, а чтобы его закончить — нужна воля, нужно трудолюбие. Глядя на то, что происходит на сцене, я не упиваюсь, я знаю, сколько работы еще нужно сделать, сколько пахоты предстоит. В этом есть моя жизнь и ее смысл. Каждый концерт — это результат моего, нашего вдохновения, и именно потому тиражирования не будет. Наша цель всегда поступательная и всегда над уже достигнутым результатом.

— Вы и ученикам своим говорите о вдохновении? Мне представляется, новому поколению такие разговоры могут показаться... странными.

— Я педагог, и в этой работе есть две стороны медали. Я обязана говорить правду — любым способом, и я должна говорить об идеалах. Начиная с того, что есть некое идеальное эстетическое представление о звуке, к которому мы и будем стремиться. Идеала в действительности нет, есть только приближение к нему длиною в жизнь: чем больше к нему приближаешься, тем он от тебя дальше отдаляется.

— Это ваше представление об идеальном звуке, которого вы неустанно добиваетесь, — откуда оно? Наитие, опыт, исследование, мечта?

— К звуку отношусь, как к живой субстанции. Я его вижу, вижу его краски, его траекторию,

и слышу, конечно. Но что такое идеальный звук? Идеал — это то, что способно воздействовать на человека до мурашек на коже. Вот ты сама его себе придумала, а потом, чтобы добиться, занимаешься технологией. Это такой нескончаемый, скучный, тяжелый процесс, потому что он противоестественный: нужно широко открывать рот, звук идет с напряжением... Потом технологии совмещаются с тем маленьким представлением об идеале, которое тебе доступно, и ты к нему при помощи своего непростого характера продираешься, добиваешься его.

— Ага... Прежде чем Паганини узнал, что такое вдохновение, он узнал, что такое отцовский ремень... Так все-таки пахота, технологии и чей-то «вредный» характер — настоящий залог успеха?

— В этом коллективе меня окружают только личности. И они молоды! Они влюблены — это XIX время. Им свойственно то состояние молодости, которое тождественно слову «любовь». Она — их главный источник вдохновения, которое без страстей, без жажды вобрать все краски, звуки, запахи мира — просто смешно. Хочется напиться всем, пусть неразборчиво, пусть торопливо. Потом, позже, у тебя будут возможности все расставить по полочкам, со всем этим разобраться. Ты уже спокойный и рассудительный, есть с чем работать. И все накопленное тобой будет приносить плоды в работе, в творчестве.

— У вдохновения есть оборотная сторона — пора штиля, истощения всех душевных сил. Что делать тогда?

— На сцене у тебя пульс меняется, меняется состав крови. Ты другой там человек, отчасти себе не принадлежащий: мобилизованный, очень рассудительный — аж до противности. Но, как многие творческие люди, я подвержена депрессии. Иногда просто бывает страшно от собственного физического даже истощения. И тогда я вспоминаю, что моя стихия — это тишина. Там, в этой тишине, я слышу всех своих, могу с ними разговаривать без слов. Но главное — я договариваюсь сама с собой, прислушиваюсь к себе. Потому что сейчас процесс отдавания, выплескивания преобладает над процессом

накопления. Не то, что в молодости. Это надо понимать, и подстегивать себя — очень глупо. От насилия над собой никогда ничего не родится. Переключение так важно. Я вот люблю мыть посуду. У меня есть дом, двое детей, трое зверей (одной кошке уже 22 года) и «многолетний» муж — мы вместе тридцать лет и три года. Сколько себя помню — я создаю свой дом, как будто пишу музыку, мне это доставляет большое удовольствие.

У меня есть и загородный дом, там очень красиво. Там распаханные грядки, и я, оказываясь, могу что-то выращивать — эта культура крестьянского быта тоже из детства, по маминей линии. «Мила дочь, я ж никогда не устаю», — говорила бабушка. Она всю жизнь любила то, чем занималась. Вот и весь секрет. И я своим говорю: кто плохо работает, тот устает.

— Если бы проникли в ту самую «кухню», где все происходит и рождается, что бы мы там увидели, что стоит за рождением новой идеи? Вот, последней, например...

— Мы давно уже вышли за флажки. Я даже затрудняюсь определить, в каком именно жанре мы работаем, хотя мы хор академический, причем критерии академического пения я четко отслеживаю. Сделать программу авторской песни не мне пришло в голову — нас об этом попросили. Сначала я не хотела этого делать: в авторской песне есть место чувству, много слов, но меньше музыки. Мы же не Грушинский фестиваль, не можем развести костер на сцене. Ну, а потом муж ломает ногу, шесть месяцев лежит на больничном и работает над новой программой, аранжирует — у нас ведь практически эксклюзивный репертуар в «Младе», который создают Выгузов Сергей, Ольга и Яков Саровайские. Мы оснастили авторскую песню хоровыми голосами, и она, ничего не потеряв, многое приобрела. Сначала мы думали, что подарили этой песне новую жизнь, а сейчас я понимаю, что мы продлили творческую жизнь себе. А сейчас у нас готовится концерт «Песни у людей разные». Мы обращаемся к советской популярной песне, которая не так уж популярна нынче. То, что мы собираемся сделать, — это и плач по тому, что мы потеряли, но и радость о том, что мы можем спасти и сохранить.

